

Живое наследие

(К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
И. КАРПЕНКО-
КАРОГО)

страстью — приобрести к лицу так называемого избранного дворянского общества, — Пузырь из всех сил тиснул раз-

Если бы Иван Карпович Тоби́левич (Карпенко-Карый) написал только «Хозяина» или «Савву Чалого», то и тогда он навсегда вошел бы в историю мировой драматургии, как первоклассный художник, сумевший ярко запечатлеть существенные черты современной ему действительности, глубоко проникнуть в героическое прошлое своего народа. Но этими произведениями, как известно, не исчерпывается творчество выдающегося мастера слова, чье имя стоит в первом ряду драматических писателей дореволюционной Украины. Перу И. К. Тоби́левича принадлежат многие другие пьесы, и поныне украшающие сцену советского театра, представляющие значительную ценность своей проблематикой и высокой художественностью.

Бессмертие художника определяется жизненностью его творений, тем, насколько они признаны и используются потомками, входят в обиход духовной жизни народа. С этой точки зрения творчество Тоби́левича воистину бессмертно. Оно не только находится в активе советского театра, но и служит живым, неиссякаемым источником, из которого много полезного черпают для себя современные авторы.

Пожалуй, нет в республике театра, который бы не обращался к драматургии Тоби́левича, и прежде всего к таким его пьесам, как «Батрачка», «Суета», «Сто тысяч», «Мартын Боруля», «Бурлака», «Савва Чалый», «Чумаки» и другие. А для отдельных украинских театров, в том числе и академических, пьесы Тоби́левича стали как бы этапами в их творческой биографии. В этом отношении примечательна деятельность Киевского театра имени Ив. Франко. Здесь пьесы драматурга находили не только радужный прием, а и глубочайшее раскрытие, яркое воплощение. Самые радостные творческие удачи франковцев при постановке классики связаны с именем Тоби́левича. Именно в пьесах Тоби́левича наиболее наглядно раскрылся незаурядный актерский и режиссерский талант Г. Юры. Вспомним такие великолепные сценические образы, созданные им, как Мартын Боруля, Терешко

Сурма, Бонаventura, Бопач, Степочка Крамарюк. Вот уже где заискрился сочный комедийный дар исполнителя, вот уже где восторжествовал сценический реализм, завещанный великим драматургом, чьим учеником и последователем по праву считал себя Гнат Юра! По собственному признанию актера, в лепке образов Юра многое заимствовал у драматурга, который был не только их литературным создателем, а и одним из первых сценических интерпретаторов.

Тоби́левич сыграл исключительную роль в становлении и развитии украинского национального театра не только как драматург, но и как режиссер и актер. Его актерская деятельность оставила заметный след, она была образцом углубленного сценического реализма. Так единодушно отзывались об игре Тоби́левича очевидцы, в том числе и ныне здравствующие мастера театра — тот же Г. Юра, И. Марьяненко, все те, кому посчастливилось видеть строгую, продуманную игру Ивана Карповича.

Драматургия И. К. Тоби́левича стала благодатной почвой, на которой расцвели таланты украинского советского театра. Не в одной пьесе писателя принимал участие и несравненный Амвросий Бучма. Но то, что создал Бучма в «Хозяине», — исключительно по своей мудрости и проникновенности. Образ жадного, одержимого стяжателя Пузыря раскрыт во всей его социальной правдивости и психологической глубине. Великий актер показывал в Пузыре всю сложность неповторимой человеческой натуры — и то, как Пузырь иступленно гонится за наживой, богатством, деньгами, и то, как он по-детски радуется, когда его называют «овечьим генералом», и то, как гордится он полученным орденом, как обожает дочь, любит родную природу. Портрет стяжателя вышел полнокровным, многогранным, убедительным. Ни одна, даже самая незначительная, черта не была забыта, и в то же время явственно ощущалось ведущее начало образа, то, что составляло существо, душу героя — его болезненная страсть к наживе. Так же, как Боруля был одержим роковой

богатеть, чтобы иметь власть над другими, похвелевать людьми, быть среди могущественных и привилегированных. Пузырь в изображении Бучмы — хозяин и в то же время раб денег, и это углубляло, заостряло образ, усиливало обличительный пафос пьесы.

Знаменательной вехой в истории Харьковского театра имени Т. Г. Шевченко явилась постановка «Мартына Боруля» с М. М. Крушельницким в заглавной роли. Совершенно по-новому сыграл здесь Омелька И. Марьяненко. Исполнитель отошел от традиционного рисунка. Это не был смешной, придурковатый хозяйский прихвостень, каким зачастую изображали Омелька. Нет. На сцене жил и действовал человек, который под маской простака глумился и издевался над своим одержимым манией величия хозяином.

Сейчас миллионы зрителей всего Советского Союза увидели «Мартына Борулю» на экране. В фильме принимают участие видные актеры украинского театра, в том числе Г. Юра (Мартын Боруля) и М. Крушельницкий (Омелько).

Большим успехом увенчалась и постановка «Саввы Чалого» на сцене Винницкого театра. Коллективу удалось раскрыть идейный пафос и художественное своеобразие пьесы, в которой в смертельном поединке сошлись две противоборствующие силы — угнетенный народ в образе Гната Гоголя и его героических побратимов и отступник народа — Савва Чалый, переметнувшийся в стан угнетателей. Историческая обстановка не позволила восставшим гайдамакам одержать окончательную победу над ненавистными поработителями — феодалами, двенадцатый час которых к тому времени еще не пробил! Но пьеса всем своим духом вещала о грядущей свободе, о праве трудового народа быть хозяином жизни. В этом заключается социальный оптимизм трагедии — воистину народного произведения по своему содержанию, поэтическое строю, образной системе.

О жизненности драматургии И. Тоби́левича говорит также самое свежее свидетельство — недавняя постановка его пьесы

«Чумаки» на сцене Кировоградского театра им. М. Кропивницкого. Кировоградцы как бы заново воскресили и самую пьесу, и ее образы, особенно образ чумака Виталия. Постановка явилась еще одним красноречивым доказательством того, что украинская драматическая классика сильна не только своей критической направленностью, борьбой против основ буржуазного строя, но и своими положительными идеалами, своими прогрессивными героями. Таким в «Чумаках» выступает Виталий, который бросает своему разбогатевшему брату Хоме вежливое и мудрое слово: «Не в грошах, Хоме, счастье».

А образ Панаса из пьесы «Бурлака»! Разве он не выглядит гневным протестом против капиталистической действительности, разве он не говорит о том, что в угнетенном трудовом народе зреет сила, способные опрокинуть несправедливый уклад жизни, бороться за счастье миллионов обездоленных людей?

Что же делает драматургию Тоби́левича такой жизненной, действенной, заманчивой для актеров и увлекательной для зрителей, далеких от того, чем жили герои, допустим, «Хозяина» и «Мартына Боруля», «Суеты» и «Житейского моря»?

Классики украинской драматургии запечатлели немало правдивых картин народной жизни. По условиям того времени, из-за драконовских ограничений царской цензуры драматургии могли касаться лишь деревенской действительности, не имели возможности отображать жизнь интеллигенции, а тем более — пролетариата. Оттого-то в дореволюционной украинской драматургии и преобладает крестьянская тема, хотя писатели и переступали иногда порог дозволенного. Действие многих пьес И. Тоби́левича также происходит на селе, в среде и зажиточных, и бедных крестьян. Но его пьесы, надо прямо сказать, наиболее социально насыщены и целеустремленны, глубже других обнажают противоречия эпохи, те процессы, которые происходили в дореформенном и пореформенном украинском селе.

О классовом размежевании среди крестьянства, о губительной власти денег говорилось и до Тоби́левича. Но ему удалось создать наиболее масштабные и выразительные образы сельских богачей, идущих на любую жестокость, на любую низость, лишь бы приумножить свои капи-

талы, нажиться на чужом несчастье, на чужих слезах, на чужом поту. Крупным планом нарисованные портреты Покуля («Батрачка»), Герасима Калитки («Сто тысяч»), старшины Михаила («Бурлака») и особенно Пузыря («Хозяин») свидетельствуют не только о выдающемся художественном таланте писателя, сумевшего создать правдивые, характерные человеческие типы, но и об умении драматурга проникнуть в существо совершающихся на его глазах общественных процессов. Правда, Тоби́левич в силу исторической ограниченности не всегда ясно видел правильные пути социальных преобразований, допускал известную условность в освещении исторического прошлого. Но обличая и клеймя Пузырей больших и малых рангов, он доходчивым словом художника просветлял и укреплял революционное самосознание масс. Писатель знал истинную цену бичующей сатиры, глубоко верил в животворную силу искусства. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитый монолог актера Ивана Барильченко («Суета») о назначении комедии, в которой автор видел могучую воспитательную и преобразующую силу. В этих своих взглядах, да и во многом другом, украинский драматург перекликался с великими русскими комедиографами — Гоголем и Островским.

Национальная природа драматургии Тоби́левича сказалась в характере конфликтов его пьес, воссоздававших украинскую действительность и правдиво отражавших конфликты эпохи и страны, в самобытности действующих лиц, в воспроизведении специфической обстановки, в колоритном и сочном народном языке, в изобразительных средствах и красках.

Исключительный мастер изображения человеческих характеров, Тоби́левич обогатил украинский национальный театр яркими типами. Даже эпизодический персонаж, какой-нибудь чудаковатый Пеньонжка («Мартын Боруля»), и тот оставлял неизгладимое впечатление — настолько точным и ярким было письмо драматурга. Недаром герои Тоби́левича дали возможность корифеям старого украинского театра раскрыть свои недюжинные таланты. Мария Заньковецка выросла как актриса в пьесах Тоби́левича, создавая в них сценические образы потрясающей силы. Ее Хари́тина («Батрачка») была олицетворением

обездоленной украинки. Упомянутый Пеньонжка в исполнении П. Саксаганского был уморителен в своей комичности. Блистал в пьесах Тоби́левича и М. Садовский, не говоря уже о самом драматурге, глубоко изображавшем на сцене образы собственного творения.

Лучшие пьесы Тоби́левича — это не только памятники эпохи, а произведения, обладающие большой познавательной и поучительной силой. Они и сейчас пробуждают у зрителей добрые чувства, любовь к правде и справедливости, ненависть ко всякому порабощению. Многие из моральных проблем, затронутых в пьесах драматурга, созвучны и нашим дням, поскольку живучи еще пережитки капиталистического прошлого, с которыми ведут борьбу советские люди.

Выдающееся значение И. К. Тоби́левича в истории украинской драматургии определяется еще и тем, что писатель оставил высокие образцы во всех жанрах этого трудного и сложного рода литературы, был творцом драмы, комедии, трагедии, боролся за общедоступный народный театр не только пером художника, но и как публицист, общественный деятель.

Понятно, что прогрессивная деятельность Тоби́левича не могла прийти по вкусу охранителям самодержавия и самодержавно-монархического уклада, и царские сатрапы поспешили выслать драматурга в Новочеркасск, как неблагонадежного. Да, для них он не был благонадежен, поскольку своим творчеством и просветительской деятельностью расшатывал устои старого мира.

Тоби́левич последние годы жизни провел на хуторе «Надежда» вблизи нынешнего Кировограда. Название хутора воспринималось им как символ. Иван Карпович жил и творил с надеждой на светлое будущее, приближая его своим благородным трудом. Он мечтал о лучших днях для народа, для родного театра, которому отдал все свои творческие силы. И эта надежда осуществилась. Украинский народ, верным сыном которого был выдающийся художник слова, живет ныне свободной и счастливой жизнью, успешно строит и развивает свою национальную культуру, свой театр, на сцене которого волнующе звучит и нетленное талантливое слово Ивана Карповича Тоби́левича.

Иосиф КИСЕЛЕВ,